

РАЗОРВАННАЯ ПАМЯТЬ

Ана Кор

18+

Ана Кор

Разорванная память

«Автор»

2026

Кор А.

Разорванная память / А. Кор — «Автор», 2026

Его глаза снились ей всю жизнь. Золотые. Без зрачков. Она не знала, кому они принадлежат. Теперь она знает. Анна попала в Искажённый мир случайно — шагнула в московский туман и выпала из реальности. Здесь правят демоны. Здесь её эмпатия — не болезнь, а дар, за который можно убить. Здесь она встречает Кая, Архонта Гнева, и понимает: он — тот, кого она искала. Но он не помнит её. Она не помнит его. Кто-то украл их прошлое. Кто-то, кто до сих пор следит за ними из тени. Чтобы вернуть память, им придётся пройти через ад — в буквальном смысле. Чтобы выжить — научиться доверять друг другу. Чтобы победить — вспомнить, что их связь сильнее времени, смерти и магии. Для тех, кто любит, когда за каждым «люблю» стоит вечность.

© Кор А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Падение	5
Г	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Разорванная память

Глава 1. Падение

Часть 1. Зеркало за чужой спиной

Будильник зазвонил в 6:47. Анна никогда не ставила его на круглое время — суеверие, которое она подобрала ещё подростком: ровные цифры, говорили где-то, запирают момент в петлю своей безупречной симметрией. Глупость, разумеется. Но каждое утро последние восемь лет она набирала на телефоне три случайные цифры минут, и этот микроскопический акт непредсказуемости становился первым кирпичиком в стене нормальности, которую она возводила вокруг себя ежедневно.

Телефон вибрировал на тумбочке, заставляя деревянную поверхность издавать низкое, жужжащее гудение — звук, который Анна ненавидела почти физически. Он напоминал ей бормашину в кабинете стоматолога, куда мать водила её в детстве каждые три месяца, потому что «профилактика важнее лечения, Анечка, ты же не хочешь остаться без зубов к тридцати?».

Она нащупала телефон вслепую, не открывая глаз. Большой палец скользнул по экрану, смахивая уведомление будильника. Тишина, наступившая после, была почти благословенной — ровно на три секунды, пока в сознание не начали просачиваться остальные звуки квартиры.

Капли воды о подоконник с внешней стороны. Мерное гудение холодильника — старого, ещё советского «Минска», который хозяин квартиры отказывался менять, потому что «эти звери по тридцать лет работают, а твои современные через пять лет на помойку просятся». Где-то за стеной, у соседей, глухо бубнил телевизор — утренние новости, ведущая с хорошо поставленным голосом сообщала о падении курса рубля и пробках на МКАД.

Серый свет.

Анна открыла глаза и увидела его — тот самый специфический оттенок октябрьского утра, который не назовёшь ни белым, ни жёлтым, ни голубым. Цвет разбавленного молока, в котором растворили каплю туши. Он сочился сквозь немытые стёкла окон, заклеенных на зиму бумажным скотчем, и ложился на потолок бледными, дрожащими полосами — свет фар проезжающих машин пробивал себе путь сквозь щели между шторами.

Она полежала ещё минуту, глядя в потолок и пытаясь найти в его текстуре что-нибудь новое. Трещина, похожая на русло пересохшей реки, расходилась от люстры к углу комнаты. Пятно от протечки — прошлой весной прорвало трубу у соседей сверху, и жёлтое напоминание об этом осталось над книжным шкафом, сколько Анна ни пыталась закрасить его водоэмульсионкой. Два гвоздя, вбитых предыдущим жильцом, — она так и не придумала, что на них повесить.

Двадцать четыре года. Съёмная однушка на окраине Москвы. Двадцать три тысячи рублей в месяц плюс коммуналка. Фриланс. Иллюстратор.

И творческий кризис пятые сутки.

Мысль об этом заставила её сесть резче, чем стоило бы — в пояснице что-то неприятно хрустнуло. Она спала в позе эмбриона, свернувшись калачиком под старым байковым одеялом, и теперь тело отзывалось на резкое движение тупой болью в затёкших мышцах. Анна поморщилась, свесила босые ноги с кровати и нащупала ступнями тапки — растоптанные, с искусственным мехом, который давно свалился в колтуны. Холодный пол прихожей обжёт пятки даже сквозь синтетический ворс.

Кухня встретила её запахом вчерашнего кофе.

Турка стояла на плите с остатками гуши — чёрной, спекшейся в корочку. Анна машинально провела пальцем по её внутренней стороне. Частички молотого кофе осыпались на подушечку, сухие и горькие. Она слизнула их кончиком языка, даже не думая, — привычка, выработанная годами ночных дедлайнов, когда времени на нормальный завтрак не оставалось.

Кофе был холодным. Горьким. С привкусом металла от долгого контакта с медной туркой.

Она поставила чайник, оперлась бёдрами о край кухонного стола и уставилась в окно. Пейзаж за стеклом не менялся уже три года — панельная девятиэтажка напротив, припаркованные у подъездов машины, чахлые деревья, которые управляющая компания обрезала так жестоко, что они напоминали обрубки пальцев, торчащие из чёрной земли. Мусорный контейнер, переполненный ещё вчера, — бомжи растащили часть пакетов в поисках бутылок, и теперь по асфальту ветер гонял обрывки целлофана.

Октябрь. Конец октября, если быть точной. Та пора, когда осень уже перестаёт быть золотой и красивой и становится просто мокрой, холодной и бесконечной. Время, когда каждый день похож на предыдущий, и единственное, что меняется, — это количество слоёв одежды, которые приходится натягивать перед выходом на улицу.

Чайник закипел и отключился с характерным щелчком. Анна заварила себе растворимый кофе из банки, которая стояла тут же — на столе, рядом с упаковкой просроченного печенья и кружкой с трещиной. Кружка была её любимой, с принтом в виде чёрного кота, растянувшегося вдоль ручки. Подарок Леры на прошлый день рождения. Лера тогда сказала: «Это чтобы тебе было не так одиноко по утрам». И добавила: «Кот хотя бы молчит и не требует внимания».

Лера. Единственный человек, с которым Анна могла быть собой — той самой «странной» девочкой, которая чувствует чужую боль острее, чем свою. Но о Лере — позже. Сейчас была кружка, был кофе, и был планшет, ждавший её в комнате, как немой укор.

Планшет.

Анна сделала глоток и поморщилась. Растворимый кофе всегда отдавал кислинкой, сколько бы сахара она ни добавляла. Но нормальный, зерновой, сваренный в турке, требовал времени, а время было роскошью, которую она не могла себе позволить. Точнее — она уже потратила всё время, которое у неё было, и теперь жила в долг, в красной зоне, на минусовом балансе.

Дедлайн по проекту для издательства «Геликон» был вчера.

Вчера, в пятницу, в 18:00 по московскому времени. Анна помнила эту цифру с той же ясностью, с какой помнила номер паспорта, — она впечаталась в мозг, как клеймо. Шесть иллюстраций для нового издания «Хроник Нарнии» — того самого, подарочного, с золотым тиснением и иллюстрированными форзацами. Арт-директор «Геликона», сухопарая женщина по имени Маргарита Викторовна, лично утверждала её кандидатуру три месяца назад, когда Анна прислала пробный разворот — сцену с фонарём в лесу, занесённом снегом. Маргарита Викторовна тогда сказала: «У вас удивительное чувство света, Анна. Именно такое нам нужно».

Теперь у неё было пять готовых иллюстраций и одна — пустая. Абсолютно. Слои за слоем — прозрачные, нетронутые, ожидающие первого движения стилуса.

Шестая иллюстрация. Финал «Племянника чародея». Сотворение Нарнии песней Аслана. Тьма, из которой рождается свет. Пустота, наполняющаяся жизнью.

Ирония заключалась в том, что Анна не могла нарисовать именно это. Она сидела перед экраном пять дней. Пять дней. Открывала файл, смотрела на мигающий курсор, выбирала кисть, настраивала opacity — и замирала. Её пальцы деревенели. Кончик стилуса зависал над планшетом в миллиметре от поверхности — и не касался её. Ни разу. Ни единого штриха.

Она не понимала, что происходит.

Нет, неправда. Она понимала. Где-то на задворках сознания, в том тёмном чулане, куда она годами сбрасывала всё, что не вписывалось в картину «нормальной жизни», — там копились что-то. Что-то, что росло, пульсировало и теперь давило на стенки её дисциплинированного «я» с силой, которую она больше не могла игнорировать.

Но признаться себе в этом означало признать, что всё, что она строила годами, — шаткая конструкция. Карточный домик.

Анна допила кофе тремя большими глотками, обжигая нёбо. Боль была почти приятной — простой, понятной, физиологической. Не то что та, чужая, которая накатывала волнами в метро, в очередях, в супермаркетах. Боль незнакомых людей, их тревоги, их страхи, их маленькие трагедии, которые она впитывала кожей, как губка — воду.

Мать называла это «твоей особенностью». Врачи — «повышенной эмпатией» и «генерализованным тревожным расстройством». Лера — «даром».

Сама Анна не называла это никак. Она просто жила с этим. Двадцать четыре года. И научилась носить маску.

Она прошлёпала тапками в комнату, где на столе, заваленном эскизами, обёртками от шоколадных батончиков и пустыми чашками, её ждал планшет. Монитор компьютера был погашен, но на системном блоке горел синий индикатор — он не выключался с прошлого четверга. Анна села в кресло, поджала ноги под себя и тронула мышку.

Экран ожил.

И она увидела его — письмо.

Оно пришло вчера вечером, когда она в очередной раз выключила звук уведомлений и ушла в ванную, чтобы просто стоять под горячей водой и ни о чём не думать. Заголовок горел жирным шрифтом: «FW: Макет 6 — статус». Отправитель: М.В. Соболева, арт-директор издательства «Геликон».

Анна открыла письмо.

«Анна, добрый вечер. Я пыталась дозвониться вам в течение дня, но вы не берёте трубку. Ситуация следующая: типография подтвердила дату запуска тиража — 3 ноября. Это означает, что все исходники должны быть переданы в препресс не позднее 29 октября. Сегодня 28-е. От вас нет шестой иллюстрации. Я понимаю, что творческий процесс не всегда предсказуем, но мы подписывали договор, в котором чётко прописаны сроки сдачи. Если макет не будет получен завтра до 12:00, я буду вынуждена инициировать процедуру расторжения договора. Пункт 7.4 — неустойка в размере 100% от суммы контракта. Анна, это не угроза, это констатация факта. Пожалуйста, выйдите на связь. М.В.»

Сто процентов от суммы контракта.

Двести шестьдесят тысяч рублей.

Анна смотрела на цифры и не чувствовала ничего. Ни паники. Ни ужаса. Человек, которому только что сообщили, что он должен сумму, превышающую его сбережения в четыре раза, должен чувствовать хоть что-то. Она не чувствовала. Ничего. Пустота. Та самая, которую она безуспешно пыталась нарисовать пятые сутки.

Тьма, из которой рождается свет.

Только в её случае свет не рождался. Тьма просто была. И она затягивала.

Анна закрыла почту и открыла рабочий файл. Слои. Пустые. Курсор мигал. Она взяла стилус — холодный пластик лёг в пальцы привычной тяжестью. Настроила кисть: жёсткая, круглая, opacity 70%, flow 50%. Тёмно-синий, почти чёрный — цвет фона. Цвет пустоты до Творения.

Стилус завис над планшетом.

Прошла секунда. Десять. Тридцать.

Пальцы не двигались.

Анна почувствовала, как в груди начинает разрастаться знакомый холодный ком — тот самый, который предшествовал приступам. Она знала: сейчас он поднимется к горлу, перекроет дыхание, и тогда... И тогда она снова окажется в том состоянии, которое психиатр в районном диспансере называл «эпизодом острой тревоги с элементами деперсонализации». Красивые слова для уродливого ощущения, когда ты перестаёшь чувствовать собственное тело и смотришь на свои руки как на чужие.

Она отложила стилус.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Медленно. Как учили на курсах медитации, куда она записалась два года назад и бросила через месяц.

Не помогло.

Анна встала с кресла и подошла к окну. За окном ничего не изменилось — те же машины, те же обрубки деревьев, тот же мусорный контейнер. Прошло двадцать минут с тех пор, как она проснулась, а мир снаружи остался ровно таким же, каким был вчера. И позавчера. И неделю назад.

Только внутри неё что-то менялось. Что-то, чему она не могла подобрать названия.

В детстве Анна думала, что все люди такие же, как она.

Что все чувствуют боль соседа по лестничной клетке, когда тот приходит с работы, неся в груди свинцовую тяжесть прожитых лет. Что все знают, что кассирша в супермаркете плакала полчаса назад, потому что её бросил муж, — это видно по тому, как она держит плечи, как сжимает губы, как избегает смотреть в глаза покупателям. Что все ощущают эмоции других людей как физическую субстанцию — плотную, вязкую, иногда липкую, иногда колючую, но всегда настоящую.

Она поняла, что отличается, в семь лет.

Первый класс. Урок рисования. Учительница, молодая практикантка с усталыми глазами и тугим пучком на затылке, попросила нарисовать семью. Анна рисовала долго, старательно, высунув кончик языка, — маму, себя и кота, которого у них не было, но которого она очень хотела. И вдруг она почувствовала это — волну чёрной, удушливой тоски, которая исходила от учительницы. Она сидела за столом, проверяла тетради, и её сердце было разбито. В прямом смысле — Анна физически ощутила, как у учительницы болит в груди, как ей трудно дышать, как хочется спрятаться и выть.

Она не знала, что случилось. Знала только, что это чувство — не её. Но оно было внутри, разрывало на части, и единственным способом избавиться от него было — выпустить.

Анна заплакала. Громко, навзрыд, взahlёб, не в силах объяснить причину.

Учительница вызвала мать.

Мать приехала через сорок минут — с работы, злая, в своём безупречном сером костюме, с идеальной укладкой. Её туфли стучали по школьному линолеуму как выстрелы. Она взяла Анну за руку, вывела в коридор и присела перед ней на корточки:

— Что случилось? Тебя кто-то обидел?

— Нет, — Анна шмыгнула носом. — Просто... Мам, у Ирины Сергеевны горе. Очень большое горе.

Мать нахмурилась:

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую, — сказала Анна. — Вот тут.

Она прижала ладонку к груди.

Мать смотрела на неё долго, очень долго, и в её глазах — Анна помнила это с фотографической чёткостью — мелькнул страх. Не сочувствие. Не тревога за дочь. А страх. Глубинный, первобытный страх перед чем-то, чего она не понимала и не могла контролировать.

— Не выдумывай, — сказала мать, поджимая губы. — Ирина Сергеевна — взрослый человек, у неё всё в порядке. А тебе нужно меньше фантазировать.

Но Анна не фантазировала. Два дня спустя она случайно услышала, как завуч говорила другой учительнице, что у Ирины Сергеевны умер жених — попал в аварию за неделю до свадьбы. И Анна знала это. Знала, ещё когда рисовала кота на альбомном листе.

С того дня начались врачи.

Сначала невролог в районной поликлинике. Тётка с прокуренными пальцами и голосом, похожим на карканье вороны. Она светила Анне в глаза фонариком, стучала молоточком по коленке, просила дотронуться до кончика носа с закрытыми глазами. Диагноз: «повышенная нервная возбудимость». Рекомендации: глицин и прогулки перед сном.

Потом был психолог в детском центре. Мужчина с аккуратной бородкой и кабинетом, полным мягких игрушек. Он просил Анну рисовать свои страхи, играть в песочнице, рассказывать сны. Анна рисовала чёрные спирали, которые видела, когда закрывала глаза. Строила из песка башни и разрушала их одним движением ладони. Молчала о снах, потому что боялась, что её запрут в больнице, как девочку из книжки, которую она читала.

Психолог сказал матери: «У вашей дочери ярко выраженная эмпатия. Плюс, возможно, тревожное расстройство». И посоветовал «не давить».

Но мать давила. Не со зла — из любви. Из той самой любви, которая душит, обкладывает ватой и требует соответствия. Она хотела, чтобы Анна была нормальной. Обычной. Как все. Чтобы ходила в школу, получала пятёрки, поступала в институт, находила хорошую работу и не плакала из-за чужих несчастий.

К подростковому возрасту Анна научилась притворяться.

Она выработала систему. Правило номер один: не смотреть людям в глаза дольше двух секунд. Правило номер два: в общественных местах — наушники, даже если музыки нет. Правило номер три: избегать толпы. Правило номер четыре: если чужая эмоция пробивает защиту, замереть, сосчитать до десяти, отделить чужое от своего.

Это работало. Не всегда, но достаточно, чтобы сойти за нормальную.

В шестнадцать она открыла для себя рисование. И это стало спасением. Все эмоции, которые она впитывала за день, можно было выплеснуть на бумагу — линиями, пятнами, цветом. Её работы получались странными: слишком живыми, слишком эмоциональными. Преподаватель в художественной школе однажды сказал: «У тебя дьявольское чувство цвета, Аня. Ты видишь то, чего не видят другие».

Она не стала говорить ему, что именно она видит.

После школы был университет. Факультет графического дизайна. Мать хотела, чтобы Анна пошла на экономический — «стабильная профессия, всегда кусок хлеба», — но Анна впервые в жизни упёрлась. Не потому что бунтовала. Просто знала, что без рисования она сойдёт с ума. Буквально. Захлебнётся в чужих эмоциях, как в болоте.

В университете она познакомилась с Лерой.

Лера Соболевская (не родственница Маргариты Викторовны из «Геликона», хотя совпадение забавляло их обеих) ворвалась в жизнь Анны на втором курсе, как врвалась во всё — с шумом, грохотом и полным отсутствием понятия о личных границах. Она села рядом с Анной на лекции по истории искусств, разложила на парте термос с чаем, бутерброды в фольге и блокнот, и спросила:

— Слушай, а ты правда рисуешь, как чокнутая? Мне говорили, у тебя иллюстрации — просто отвал всего.

Анна тогда не нашлась что ответить и просто кивнула.

— Я Лера, — представилась девушка, протягивая руку. — Будущий журналист-расследователь. Специализируюсь на паранормальщине, городских легендах и всём, что официальная наука отрицает. А ты?

— Анна. Просто Анна. Рисую.

— Скромничаешь, — Лера хмыкнула, откусывая половину бутерброда. — Ладно, потом узнаю.

И узнала. Через месяц они сидели в общаге, пили дешёвый портвейн из пластиковых стаканчиков и разговаривали до трёх ночи. Лера рассказывала про своё последнее расследование — призрак в библиотеке МГУ, который, по слухам, сбрасывал книги с полок в отделе редких рукописей. Анна, осмелев от алкоголя и странного, незнакомого ей чувства доверия, рассказала про свою эмпатию.

Она ожидала чего угодно. Насмешки. Недоверия. Вежливого кивания и последующего исчезновения.

Вместо этого Лера подалась вперёд и спросила, понизив голос:

— Ты сейчас что от меня чувствуешь?

Анна прислушалась к себе.

— Любопытство, — сказала она. — Жгучее. Тебе интересно, правду ли я говорю. И ещё... ты боишься. Не меня — чего-то другого. Какого-то своего провала. Статьи, которую не берут.

Лера откинулась на спинку стула и присвистнула.

— Никому не говорила про статью. Даже научному руководителю.

— Я не специально, — Анна сжалась в комок. — Оно само.

— Да я понимаю, — Лера улыбнулась — широко, открыто, с ямочками на щеках. — Знаешь, что я тебе скажу? То, что у тебя есть — это не болезнь. Это дар. Идиотский, неудобный, сводящий с ума, но дар. И если тебе кто-то говорит обратное — шли их лесом.

Это был первый раз, когда кто-то назвал Аннину особенность даром.

С тех пор они дружили. Лера стала единственным человеком, с которым Анна не носила маску. Единственным, кому она могла позвонить в три часа ночи и сказать: «Мне страшно, я чувствую что-то, чего не понимаю». И Лера не вешала трубку. Она говорила: «Давай разобраться. Что именно ты чувствуешь? Где в теле? Опиши словами».

Это было похоже на терапию, только без кушетки и почасовой оплаты.

Сейчас Лера работала в независимом интернет-издании, которое специализировалось на расследованиях всего странного, жуткого и необъяснимого. Она моталась по заброшенным усадьбам, брала интервью у «очевидцев НЛО» и копалась в архивах в поисках историй о призраках. Работа приносила копейки, но Лера была счастлива. «Я не создана для офиса, — говорила она. — Я создана для того, чтобы находить истину. Даже если истина выглядит, как бред сумасшедшего».

Анна завидовала этой её лёгкости. Умению жить, не оглядываясь на чужие ожидания.

Телефон зазвонил в 10:32.

Анна сидела перед планшетом уже третий час, так и не проведя ни одной линии. Она переключилась на скроллинг референсов — фотографии космоса, снимки туманностей, картины старых мастеров, изображающие сотворение мира. Что-то должно было зацепить, вдохновить, сдвинуть с мёртвой точки. Но всё проходило мимо — гладкое, пустое, не задевающее никаких струн.

Звонок разрезал тишину как скальпель.

На экране высветилось: «Маргарита Викторовна (Геликон)».

Анна смотрела на имя, отсчитывая гудки. Один. Два. Три. На четвёртом она сняла трубку.

— Анна, доброе утро. — Голос у Маргариты Викторовны был именно таким, каким Анна его запомнила: сухим, точёным, лишённым интонационных излишеств. Она говорила так, как, наверное, писали заявления о разводе — взвешенно и безупречно. — Надеюсь, я не отвлекаю вас от работы.

— Здравствуйте, Маргарита Викторовна. Нет, я... я работаю.

— Это хорошо. Потому что я звоню уточнить статус шестого макета. Вы получили моё письмо?

— Получила.

— И?

Пауза. Анна прижала трубку плечом к уху, освобождая руки, которые вдруг стали холодными и чужими. Она посмотрела на экран планшета — пустые слои, ноль линий, ноль пикселей.

— Макет будет готов сегодня, — сказала она.

Собственная ложь прозвучала до отвратительного убедительно. Интонация, которой она научилась у матери: спокойная, ровная, не допускающая сомнений.

— Вы уверены? Потому что вчера вы тоже говорили, что он будет готов «сегодня».

— Сегодня. До вечера. Я пришлю файл.

Маргарита Викторовна помолчала. В трубке было слышно, как она перебирает бумаги на столе — сухой шелест, похожий на шорох крысиных лапок.

— Хорошо, Анна. Я даю вам шанс. Последний. Если к 20:00 макета не будет в моей почте — завтра я запускаю процедуру расторжения. Вы должны понимать, что это не моя прихоть. Типография срывает сроки из-за нас. Мы теряем деньги и репутацию. Вы теряете неустойку и дальнейшие заказы. Это бизнес, ничего личного.

— Я понимаю.

— Вот и славно. Жду файл.

Гудки.

Анна положила телефон на стол экраном вниз. Внутри было тихо — та самая звенящая тишина, которая наступает после взрыва, когда уши ещё не отошли от контузии, и мир кажется ватным и ненастоящим.

Сегодня до вечера. До восьми. У неё было меньше десяти часов, чтобы создать из ничего иллюстрацию, которую она не могла начать пять дней.

Она посмотрела на стилус. Стилус лежал на столе, безобидный кусок пластика. Что в нём такого страшного? Почему пальцы деревенеют, когда она пытается взять его в руки?

В кармане завибрировал телефон.

На этот раз — мать.

Анна зажмурилась. Традиция: звонок раз в неделю, по субботам, между десятью и одиннадцатью утра. Мать была пунктуальна, как швейцарские часы, и столь же эмоционально тепла.

— Да, мам.

— Анечка, здравствуй. Ты какая-то уставшая с утра. Спала плохо?

Анна на секунду задохнулась. Мать всегда так делала — попадала в точку по первым нотам голоса. Но это была не эмпатия. Это был многолетний навык считывания малейших отклонений от «нормы».

— Нормально спала. Просто не выспалась. Работа.

— Ах да, работа. Как там твои картинки? Платят?

— Платят. Нормально. Сейчас большой проект заканчиваю.

— Большой — это какой? Сколько?

— Достаточно, мам.

Мать вздохнула. В трубке что-то зашуршало — она, судя по всему, перекладывала телефон из руки в руку, попутно помешивая что-то на плите. Анна представила кухню в родительской квартире: стерильная чистота, кафельная плитка до середины стены, кастрюли, выстроенные по размеру, — мать была патологически аккуратна, и любое отклонение от порядка вызывало у неё почти физические страдания.

— Слушай, я тут статью прочитала. В медицинском журнале. Пишут про новую методику — когнитивно-поведенческая терапия в сочетании с микродозами антидепрессантов. Очень

хорошие результаты при тревожных расстройствах. Я записала телефон клиники. Можешь позвонить, просто проконсультироваться. Это недалеко от тебя, на Профсоюзной.

Анна закрыла глаза и начала считать до десяти.

— Мам, мне не нужна клиника.

— Анечка, ну не начинай. Ты же сама говорила, что тебе тяжело. Что ты чувствуешь людей. Это не нормально. Это лечится.

— Я не болею.

— Ты всегда так говоришь. А потом запираешься в квартире на неделю и не берёшь трубку.

— Мам, я работаю. У меня дедлайн. Давай потом.

Молчание. Затем — сухой, идеально выверенный вздох:

— Хорошо. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Ты знаешь.

— Знаю, мам. Пока.

— Пока.

Анна нажала «отбой» и осталась сидеть, сжимая телефон в вспотевшей ладони. «Просто хочу, чтобы ты была счастлива». Мантра матери. Кодовая фраза, за которой скрывалось: «Я хочу, чтобы ты была нормальной. Такой, какой я тебя запланировала. Такой, какой тебя примут люди».

Внутри не было злости. Только опустошение. То самое, которое она так и не смогла нарисовать.

К семи вечера Анна поняла, что не выдержит.

Квартира давила. Стены сжимались вокруг неё, как лёгкие гигантского зверя, выталкивая воздух. Каждая поверхность напоминала о провале: немые чашки, открытый файл на планшете, коробка из-под пиццы, засохшая на подоконнике. Запах пыли и старого кофе вьелся в текстиль, и даже холодный октябрьский воздух из приоткрытой форточки не спасал.

Она натянула джинсы, свитер, куртку. Замотала горло шарфом. Сунула ноги в ботинки на толстой подошве, не зашнуровывая. Телефон — в карман. Наушники — в уши. И вышла, захлопнув дверь с той излишней силой, которая выдаёт отчаяние.

Парк был в пятнадцати минутах ходьбы.

«Парк Кузьминки» — кусок старой Москвы, зажатый между панельными девятиэтажками и шумным шоссе. Днём здесь гуляли мамы с колясками и пенсионеры с палками для скандинавской ходьбы. Вечером — в основном собачники и редкие бегуны. В октябре, когда температура стремилась к нулю, а с неба моросило нечто среднее между дождём и ледяной крупой, парк вымирал.

Анна вошла через центральные ворота — две кирпичные колонны, оставшиеся ещё с советских времён — и сразу свернула на боковую аллею. Здесь было темнее: фонари стояли реже, и часть из них не горела. Жёлтый свет остальных ложился на мокрый асфальт дрожащими лужами, и в этом свете всё казалось нереальным — декорацией к фильму, который снимают в павильоне.

Пахло прелыми листьями. Сырой землёй. Отдалённо — выхлопными газами с Волгоградского проспекта, которые ветер затягивал в парк вместе с обрывками дорожного шума. Под ногами хлюпало: асфальт был в выбоинах, заполненных водой, и листья — кленовые, дубовые, берёзовые — плавали в этих миниатюрных озёрах, как разноцветные кораблики.

Анна включила музыку. Наугад ткнула в плейлист, и в ушах зазвучало — — фортепианные переливы, медленные, тягучие, как осенний дождь. Людовико Эйнауди, "Experience". Она всегда включала его, когда мир становился слишком громким. Она сунула руки в карманы куртки и пошла по аллее, глядя под ноги.

Мысли текли вяло, перескакивая с темы на тему.

Работа. Что она скажет Маргарите Викторовне в восемь вечера? «Извините, у меня творческий кризис»? Или, может, правду: «Я не могу нарисовать сотворение мира, потому что сама чувствую себя пустотой»? Да уж. После такого её не просто уволят. Её внесут в чёрный список, и ни одно издательство в Москве больше не возьмёт у неё заказ. Репутация — это всё. А репутация зарабатывается годами и рушится за один сорванный дедлайн.

Мать. «Я просто хочу, чтобы ты была счастлива». Почему эта фраза всегда звучала как обвинение? Почему «счастье» в устах матери означало «соответствие норме»? Анна представила, как она приходит в клинику на Профсоюзной и ей выписывают таблетки. Маленькие, белые, по три раза в день после еды. И мир тускнеет. И эмоции — чужие и свои — затихают, как радиоприёмник, у которого убавили громкость. И она становится нормальной. Но какой ценой? Ценой дара? Или ценой проклятия? Она до сих пор не определилась, чем именно была её эмпатия.

Сны. Золотые глаза. Они снились ей с детства — не реже раза в месяц, иногда чаще. Всегда одно и то же: темнота, бархатная и глубокая, как космос, и в этой темноте — два глаза. Не человеческие. У человека не бывает таких глаз. Золотистые, светящиеся изнутри, с вертикальным зрачком, который пульсирует в ритме сердцебиения. И голос — низкий, вибрирующий, зовущий по имени. «Анна». Просто имя. Но в этом одном слове было столько всего — боль, надежда, узнавание, — что она просыпалась в слезах, не понимая, почему плачет.

Она никогда не рассказывала об этих снах никому. Даже Лере. Боялась, что это станет последней каплей — той самой странностью, которую нельзя списать на «повышенную эмпатию». То, что выходило за рамки даже самого широкого принятия.

Ей было двадцать четыре. Она жила в съёмной однушке, рисовала иллюстрации, пила растворимый кофе и носила маску нормальности, которая с каждым днём становилась всё тяжелее. И иногда, в моменты вроде этого, когда она шла по тёмному парку и слушала меланхоличное фортепиано, она задавала себе вопрос: а что, если вся её жизнь — это ожидание? Томительное, бессмысленное ожидание чего-то, чему она не знала названия?

Словно она забыла что-то важное. Что-то настолько огромное, что вся её текущая жизнь была лишь паузой между «до» и «после».

Глупость, конечно. Романтическая чушь в духе книг, которые она иллюстрировала.

И музыка в наушниках оборвалась.

Анна сначала не поняла, что произошло. Мелодия просто исчезла, сменившись низким, вибрирующим гулом, похожим на звук, который издаёт электрическая подстанция. Только громче. И глубже. Он шёл не из наушников — он шёл отовсюду, резонируя где-то в груди, заставляя зубы мелко вибрировать.

Она вынула наушники.

Гул не исчез. Он стал громче.

Сердце Анны пропустило удар, а потом забилося быстро-быстро, как у пойманной птицы. Она обернулась, оглядывая аллею. Фонари горели. Деревья стояли на своих местах. Асфальт был мокрым. Всё выглядело нормально — до жути нормально, — но гул продолжался, низкий и монотонный, проникающий под кожу.

А потом появился туман.

Не постепенно. Не так, как обычно наползает туман — медленно, плавно, заволакивая пространство слой за слоем. Нет. Он возник мгновенно, как будто кто-то включил гигантскую дым-машину за кулисами реальности. Густой, плотный, почти твёрдый на вид, он заполнил аллею от земли до крон деревьев, и Анна перестала видеть что-либо дальше вытянутой руки.

Запах ударил в нос — озон, как после сильной грозы, и что-то сладковатое, приторное, похожее на запах гниющих цветов. Лилий, которые перестояли в вазе.

Фонари начали гаснуть.

Один за другим. Не перегорать — именно гаснуть, словно кто-то поворачивал выключатель. Сначала тот, что в десяти метрах впереди. Потом следующий. Потом тот, что за спиной. Тьма наступала с двух сторон, сжимая освещённое пространство вокруг Анны в маленький круг — метр, полметра, сантиметры.

Она выхватила телефон из кармана. Пальцы дрожали, попадая по экрану. Фонарик. Нужно включить фонарик. Она нажала иконку — и экран телефона мигнул, пошёл рябью, как старый телевизор, и погас.

— Да что за...

Собственный голос прозвучал глухо, как через вату. Анна нажала кнопку включения — ничего. Телефон превратился в кусок мёртвого пластика и стекла.

Вдох. Выдох. Спокойно. Это просто туман. Аномальное природное явление. В Москве бывают туманы. В конце октября бывают туманы. Это нормально.

Но запах. И гул. И то, как погас телефон.

Анна попятилась, пытаясь найти глазами хоть какой-то ориентир. Аллея — она должна быть под ногами. Твёрдый асфальт. Лужи. Листья. Привычный, реальный мир.

Под ногами был асфальт. Но когда она посмотрела вниз, ей показалось, что он идёт рябью. Как поверхность воды, в которую бросили камень. Мелкая, частая рябь расходилась от её ботинок концентрическими кругами, и в этой ряби отражался свет — хотя света не было.

Адреналин хлынул в кровь, и мир стал гиперчётким. Анна чувствовала каждый удар сердца — он отдавался в висках, в кончиках пальцев, в животе. Холод пополз вверх от лодыжек к коленям, и она поняла, что дрожит — крупной, неконтролируемой дрожью, которую невозможно остановить усилием воли. Во рту появился металлический привкус — так бывало, когда она слишком сильно пугалась.

Бежать. Нужно бежать.

Она развернулась и побежала — вернее, попыталась. Ноги двигались медленно, словно воздух стал плотным, как кисель, и каждый шаг требовал в десять раз больше усилий, чем должен был. Пространство вокруг искажалось. Деревья, те самые обрезанные тополя, которые она видела сотни раз, теперь выгибались под невозможными углами, их стволы изламывались в зигзагах, как график сейсмической активности. Ветви тянулись вниз, к земле, словно хотели схватить её за волосы.

Гул нарастал. Теперь в нём можно было различить ритм — медленный, пульсирующий, как биение исполинского сердца. Или как шаги. Шаги чего-то огромного, идущего из глубины тумана.

— Кто здесь?! — крикнула Анна.

Голос сорвался на высокой ноте, и она ненавидела себя за этот срыв, за этот животный страх, который звучал в нём. Но она ничего не могла с собой поделать. Она была маленьким, хрупким существом в мире, который внезапно перестал подчиняться законам физики.

Ответа не было. Только шаги. Тяжёлые, мерные, неумолимые.

А потом земля ушла из-под ног.

Буквально. Асфальт разверзся под ней, и она полетела вниз, в темноту — такую глубокую и всепоглощающую, какой не бывает на поверхности. Это было не падение в яму. Это было падение сквозь реальность. Она чувствовала, как тело теряет плотность, как границы между «Анной» и «не-Анной» размываются, как мысли, воспоминания, страхи — всё, что составляло её личность, — растаскивается в разные стороны невидимыми течениями.

Боль пришла сразу и отовсюду. Не острая, локализованная — нет. Это была боль на клеточном уровне, как будто каждую её частицу разбирали и собирали заново. И в этой боли было что-то почти знакомое, как будто она уже проходила через это — когда-то давно, в другой жизни, в другом мире.

Последней мыслью, которая мелькнула в угасающем сознании, была мысль о золотых глазах.

Теперь она знала, кому принадлежал голос, звавший её во снах.

Но знание пришло слишком поздно, и тьма поглотила её целиком.

Часть 2. Запах серы и гниющей соломы

Первым вернулось обоняние.

Запах проник в сознание раньше, чем свет, раньше, чем ощущение собственного тела, — он просто был, плотный и многослойный, как гобелен, сотканный из гниения. Сера — острая, химическая, царапающая ноздри, как нашатырь. Под ней — сырая земля, спрессованная, древняя, пахнущая так, словно её не тревожили столетиями. Ещё глубже — что-то мускусное, животное, напоминающее запах мокрой собачьей шерсти, смешанный с кислым потом. И наконец, самая отвратительная нота — сладковатый, приторный аромат разложения. Не свежего — застарелого, вьёвшегося в камень и солому, как въедается в мебель запах табака в квартире заядлого курильщика.

Анна закашлялась.

Это вышло непроизвольно — спазм диафрагмы, рефлекторная попытка вытолкнуть из лёгких воздух, пропитанный этим запахом. Но кашель отозвался болью в рёбрах — острой, пронзительной, прострелившей от позвоночника к груди, — и она застонала, ещё не открывая глаз, ещё не понимая, где находится и что с ней произошло.

Холод был вторым ощущением.

Не тот холод, к которому она привыкла в Москве, — бодрящий октябрьский морозец, от которого спасает шарф и горячий чай. Нет. Этот холод был другим — глубинным, вековым, словно исходил не снаружи, а откуда-то изнутри камня, на котором она лежала. Он просачивался сквозь куртку, свитер, джинсы, впитывался в кожу ледяными иглами, и мышцы — она чувствовала это каждой клеткой — свело до каменной твёрдости. Её правая щека, прижатая к чему-то твёрдому и влажному, онемела почти полностью.

Камень. Она лежала на камне.

Анна медленно, очень медленно — потому что любое резкое движение отзывалось болью в рёбрах и позвоночнике — перекатилась на спину. Открыла глаза.

Темнота. Не та, к которой привыкают глаза, — когда через несколько минут проступают очертания. Эта темнота была абсолютной. Всепоглощающая, лишённая малейшего проблеска света. Темнота, которую можно было почти осязать — плотная, вязкая, давящая на глазные яблоки, словно кто-то накрыл её лицо чёрной бархатной подушкой. Анна заморгала — веки двигались, ресницы касались друг друга, она чувствовала это, но тьма не становилась менее абсолютной.

Она попыталась поднести руку к лицу. Рука двигалась — она знала это, ощущала движение мышц и сухожилий, — но тьма скрывала её. Анна поднесла ладонь вплотную к глазам, почти касаясь ресниц, и не увидела ничего. Ни силуэта. Ни намёка на движение.

Первая волна паники была чисто физиологической.

Сердце ударило в грудь — раз, другой, третий, — как кулаком изнутри. Дыхание участилось, сбилось, стало рваным. Во рту появился металлический привкус — вкус крови, смешанный с чем-то горьким, похожим на желчь. Анна сглотнула, и горло отозвалось болью — слизистая была сухой, раздражённой, будто она дышала через рот несколько часов подряд.

Сколько прошло времени?

Парк. Туман. Падение. Провал.

Она помнила всё фрагментарно, как сон, который тает по пробуждении. Аллейка, фонари, гаснущие один за другим. Рябь на асфальте. Искажённые деревья. Чудовищный гул. И — тьма, которая поглотила её.

Сколько она пробыла без сознания? Часы? Сутки? Недели?

Внутренние часы, которые у каждого человека настроены на суточный ритм, молчали. Она не чувствовала, день сейчас или ночь, утро или вечер. Тело не давало подсказок — ни голода, ни жажды, только боль и холод, а боль и холод могут длиться вечность.

«Меня похитили», — подумала она, и мысль эта была почти успокаивающей в своей обыденности. Похитили. Да, так бывает. Накачали наркотиком, бросили в подвал. Требуют выкуп. Или продадут. Или...

Нет. Детали не сходились.

Туман не был похож на рукотворный. Фонари гасли не так, как гаснут от перебоев с электричеством. Асфальт под ногами шёл рябью — это не галлюцинация. И телефон не просто разрядился — он погас, как будто кто-то выключил саму возможность его работы. И запах. Этот запах. Он не принадлежал Москве. Он вообще не принадлежал её миру.

Она попыталась сесть.

Движение вышло медленным, неуклюжим, разбитым на стадии. Сначала — опереться на локоть. Локоть скользнул по влажному камню, и Анна едва не рухнула обратно. Мышцы живота — она задействовала их, чтобы поднять корпус, — отозвались резкой болью, словно кто-то провёл по ним тупым ножом. Она зашипела сквозь зубы, но продолжила. Упёрлась второй рукой. Подтянула колени. Села.

Каждый вдох отдавался в рёбрах — справа, в районе шестого-седьмого, кажется, там трещина или ушиб. Она провела пальцами по грудной клетке, надавила осторожно. Боль была терпимой, не кинжальной, не такой, как при переломе (она читала где-то, что при переломе человек не может дышать глубоко). Значит, просто сильный ушиб. Или — кто знает, как работает физика в этом месте, — последствие того странного падения сквозь реальность.

Она облизала губы. Сухие, потрескавшиеся. На нижней — корка запёкшейся крови. Значит, она прикусила губу при падении. Или ударилась. Во рту всё ещё держался металлический привкус, и когда она сплюнула — просто повернула голову и сплюнула на камень, — слюна была густой и солёной.

«Я жива. Я в сознании. Я могу двигаться. Это уже неплохо».

Она сказала это вслух — шёпотом, едва шевеля губами. Собственный голос прозвучал глухо, почти без эха, и это дало ей первую зацепку: помещение маленькое. Очень маленькое. В большом зале или пещере голос отзывался бы, отражался от стен, а здесь он просто глож, как в коробке, обитой войлоком.

Темница. Она в темнице.

Анна заставила себя встать — точнее, попыталась. Ноги не держали. Мышцы бёдер и икр затекли до состояния деревянных протезов, и когда она попробовала перенести на них вес тела, колени подогнулись. Она рухнула обратно, больно ударившись копчиком о камень, и на несколько секунд замерла, пережидая очередную волну боли и тошноты.

Второй подход был успешнее. Она поднялась, опираясь спиной о стену — та была прямо за ней, грубая, с острыми выступами, и камень охлаждал даже через куртку. Потом, цепляясь за эти выступы, как за поручни, она выпрямилась. В полный рост встать не получилось: потолок оказался ниже, чем она думала, и макушка упёрлась в шершавую каменную поверхность, с которой посыпалась какая-то труха. Пришлось пригнуться.

«Итак. Маленькое помещение. Низкий потолок. Я могу стоять, только согнувшись. Вдох, выдох. Дыши».

Она выставила руки перед собой и пошла вдоль стены.

Шаг. Ещё шаг. Камень под ладонями был грубым, неровным — явно не обработанный, а природный или вырубленный в скале. Местами на нём был мох или что-то похожее на мох: склизкое, холодное, отзывающееся под пальцами как мокрая губка. В щелях между камнями — застывшая влага, липкая и маслянистая на ощупь.

Она считала шаги. Раз, два, три. На четвёртом рука упёрлась в угол — резкий поворот стены под прямым углом. Анна двинулась дальше. Ещё три шага — следующий угол. Ещё два — она наткнулась на дверь.

Металл.

Холодный, гладкий, с вертикальными полосами — рёбрами жёсткости или коваными накладками. Анна провела по нему ладонями, пытаясь найти ручку, засов, замочную скважину — хоть что-то. Ничего. Только гладкая поверхность и стык с каменной стеной, настолько плотный, что туда не просунуть и ноготь.

Она толкнула дверь. Потом ударила плечом — раз, другой, третий, забыв про боль в рёбрах, которая от каждого удара становилась всё ярче. Дверь не шелохнулась. Даже не дрогнула. Она стояла как влитая — монолитная, непрошибаемая, равнодушная к усилиям человеческого тела.

— Эй! — голос сорвался на крик, но получился сиплым и жалким. — Кто-нибудь! Выпустите меня!

Тишина. Даже не тишина — отсутствие реакции. Звук её голоса увяз в камне и металле, как муха в паутине, и не вызвал никакого отклика.

— Пожалуйста... — прошептала она и сползла по двери на пол.

Здесь, у двери, камень был чуть теплее — или ей просто показалось. Она села, прижалась спиной к металлу, обхватила колени руками. Дыхание сбилось окончательно — рваное, частое, с всхлипами на выдохе. Слезы подступили к глазам, но не потекли — словно заморозились где-то в носовых пазухах, оставив после себя только жжение и ощущение заложенности.

«Так. Стоп. Дыши по квадрату. Вдох — раз, два, три, четыре. Задержка — раз, два, три, четыре. Выдох — раз, два, три, четыре. Задержка — раз, два, три, четыре».

Техника, которой научила её Лера на третьем курсе, когда у Анны случилась паническая атака прямо в аудитории, посреди лекции по истории дизайна. Лера тогда вывела её в коридор, усадила на подоконник и сказала: «Слушай сюда. Ты не умираешь. Это просто твой мозг думает, что умирает, потому что где-то там, в древней коре, сработала сигнализация "тигр!". А никакого тигра нет. Тигр — это просто дедлайн, или мама, или что-то ещё. Дыши. Квадратом. Я с тобой».

Лера. Интересно, Лера уже заметила, что Анна пропала? Сколько прошло времени? Если в Москве сейчас утро — должно быть, заметила. Они договаривались созвониться в воскресенье. Или если вечер — Лера могла написать в мессенджер, а Анна не ответила. Лера была настойчивой. Если Анна не отвечала на сообщения больше суток, Лера начинала звонить. Если не брала трубку — приезжала домой. У неё были запасные ключи.

«Она поднимет тревогу. Она будет меня искать. Она найдёт».

Эта мысль была тёплой, почти утешительной. Анна вцепилась в неё, как в спасательный круг, и дыхание понемногу выровнялось. Квадрат работал. Вдох — четыре. Задержка — четыре. Выдох — четыре. Задержка — четыре. Сердце перестало колотиться о рёбра, отступило вглубь груди, забило ровнее.

Так. Теперь думать.

Если бы её хотели убить — убили бы сразу. Она была без сознания, беспомощна, убить её ничего не стоило. Но её не убили. Её заперли в камере. Маленькой, тёмной, холодной, но — в камере. Для этого нужна причина. Она зачем-то нужна тем, кто её похитил. Нужна живой.

Это не очень утешало — мало ли зачем преступникам может понадобиться живая женщина, — но лучше, чем ничего. Пока она жива, у неё есть шанс. Пока она в сознании и может мыслить, у неё есть возможности.

Анна разжала руки, которыми обхватывала колени, и снова ощупала пространство вокруг себя. Камера была крошечной — метров пять квадратных, не больше. Два шага от двери до противоположной стены, три шага вдоль. Пол — каменный, с уклоном к центру, где было небольшое углубление. Слив? Или просто выбоина? В углу — что-то мягкое, рассыпчатое, влажное. Солома. Гнилая солома, вперемишку с чем-то ещё — может, тряпьем, может, какими-то отходами. Запах от неё шёл особенно сильный.

Никакой мебели. Никакой посуды. Никаких признаков того, что здесь вообще кто-то был до неё.

Хотя нет. Проведя рукой по стене у двери, она нащупала что-то — царапины. Глубокие, параллельные борозды в камне, слишком узкие, чтобы их мог оставить человек. Следы когтей? Или какого-то инструмента? Анна изучила их кончиками пальцев: четыре борозды, расстояние между крайними — сантиметров десять. Если это следы когтей, то существо, которое их оставило, было размером с крупную собаку. Или с медведя.

Она отдернула руку.

Так. Хватит. Не думать об этом. Думать о другом. О чём-нибудь полезном.

Сколько у неё еды? Ноль. Воды? Ноль. В карманах куртки — бумажный носовой платок, смятая пачка жвачки, ключи от квартиры (бесполезные здесь) и телефон. Телефон! Она совсем забыла о нём. Анна сунула руку во внутренний карман — да, вот он, холодный прямоугольник. Она нажала кнопку включения. Экран остался чёрным. Нажала ещё раз, подержала дольше. Никакой реакции. Разряжен? Но он был заряжен почти на семьдесят процентов, когда она выходила из дома. Она помнила точно.

Тот гул. Он погасил телефон. Вырубил его, как вырубил фонари в парке.

Анна убрала телефон обратно в карман. Беспольный кусок пластика. Но она не могла заставить себя его выбросить — это было последнее, что связывало её с прежним миром. С Москвой. С Лерой. С матерью. С той жизнью, где она была художницей-фрилансером с сорванным дедлайном, а не пленницей в каменном мешке неизвестно где.

Время шло. Она не знала, сколько именно — минуты, часы? В абсолютной темноте и тишине время теряло смысл, становилось вязким, резиновым, растягивалось или сжималось непредсказуемо. Анна то погружалась в дрему — поверхностную, тревожную, полную обрывков мыслей, — то выныривала обратно, не понимая, спала она или бодрствовала.

Ей казалось, прошло несколько часов, когда она услышала первый звук.

Шаги.

Она не спутала бы их ни с чем. Тяжёлые, мерные, отдающиеся низкой вибрацией в камне. Но ритм был неправильным — не человеческим. Человек ступает: пятка, носок, пауза. А здесь было что-то другое — то ли четыре точки опоры, то ли суставы гнулись под другими углами. К шагам примешивался металлический отзвук — цок, цок, цок, — словно по камню стучали не ногти и не копыта, а что-то среднее. Когти? Когти, подбитые железом?

Анна подобралась, вжалась спиной в угол — тот, что был дальше всего от двери. Сердце снова ускорило, но она подавила панику усилием воли. Дыши. Квадратом. Не теряй голову.

Шаги приближались. Теперь она слышала ещё один звук — низкое, утробное ворчание. Оно напоминало собачий рык, но в нём было что-то почти речевое, какие-то модуляции, перепады тона, которые не свойственны животным. Словно существо бормотало себе под нос на языке, состоящем из одних согласных.

Шаги остановились прямо за дверью.

Анна затаила дыхание.

Тишина продлилась несколько бесконечных секунд. Потом — скрежет. Громкий, рвущий перепонки, как ножом по стеклу. Дверь дрогнула и начала открываться — наружу, не внутрь, — и в камеру хлынул свет.

Тусклый. Красноватый. Мерцающий, как пламя факела, но неестественного оттенка — слишком багровый, с фиолетовыми отливами по краям. После абсолютной темноты он резанул по глазам так, что Анна зажмурилась, прикрывая лицо ладонью. По сетчатке словно полоснули бритвой, и на несколько мгновений она полностью ослепла — только багровые пятна плыли под веками, как разлитые чернила.

Существо в дверях издало звук — не то фырканье, не то смешок.

— Живая? — Голос был скрипучим, шипящим, словно воздух выходил не через голосовые связки, а через дыру в горле. Акцент — странный, незнакомый, искажающий слова так, будто их выговаривал кто-то, у кого рот устроен иначе, чем у человека. — Надо же. Обычно после Перехода — месиво. Кости в труху, мозги в кисель. А эта целая. Интересно.

Анна медленно, очень медленно опустила ладонь и заставила себя открыть глаза.

Свет всё ещё резал, но теперь она могла различать детали. Фигура в дверном проёме была низкой — едва ли выше метра с небольшим — и непропорциональной. Слишком длинные руки, заканчивающиеся кистями, которые почти касались пола. Слишком широкая грудная клетка, бочкообразная, обтянутая чем-то, что могло быть как кожаным доспехом, так и собственной шкурой существа — бугристой, с костяными наростами вдоль позвоночника. Голова сидела на короткой, почти невидимой шее и напоминала помесь человеческого черепа с мордой рептилии: вытянутая вперёд челюсть, лишённая губ, обнажала частокол мелких, загнутых назад зубов. Глаза — два уголька, тлеющих жёлтым в глубоких глазницах, — смотрели на Анну с выражением, которое она не смогла бы описать даже под дулом пистолета. Любопытство? Голод? Профессиональный интерес коллекционера, наткнувшегося на редкий экземпляр?

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но издала только невнятный сип.

— Не дёргайся, — существо шагнуло в камеру, и теперь Анна видела его ноги — или то, что их заменяло. Три сустава на каждой конечности, ступни с длинными, чёрными когтями, цокавшими по камню. — Дёрнешься — свяжу. Свяжу — поташу волоком. Будет больно. Не люблю делать больно. Порчу товар.

Товар.

Слово вонзилось в сознание ледяной иглой. Товар. Она — товар.

— Где я? — удалось выдавить ей. Голос дрожал, но она всё-таки сумела придать ему подобие твёрдости. — Что это за место? Кто вы?

Существо склонило голову набок — движение было быстрым, птичьим, неестественным для такой массивной головы.

— Вопросы. Хорошо. Живая и с мозгами. Дважды интересно. — Оно прищёлкнуло чем-то, что, вероятно, заменяло ему язык, и сделало ещё шаг вперёд. — Я — Сквик. Торговец. Информация. Артефакты. Редкости. Ты — редкость. Очень редкая. Человек. В Искажённом мире. Живой.

Искажённый мир.

Слова упали в сознание Анны как камни в воду — тяжело, необратимо, расходясь кругами смысла, который она отказывалась принимать. Искажённый мир. Не Москва. Не Россия. Не Земля.

Она сглотнула. Металлический привкус во рту стал отчётливее.

— Я не понимаю, — прошептала она.

Сквик улыбнулся — если можно назвать улыбкой оскал пасти, полной зубов-иголок.

— Поймёшь. Обязательно поймёшь. Когда приведём тебя к Архонту. Очень красивая. Очень живая. Архонту понравится. — Он хихикнул, и звук этот был похож на скрежет стекла по стеклу. — Может, даже не убьёт сразу. Может, поиграет.

Анна почувствовала, как последние остатки тепла покидают её тело. Холод, который всё это время был просто физическим ощущением, внезапно стал чем-то бóльшим — он проник в кости, в костный мозг, в самую сердцевину её существа. Архонт. Убьёт. Поиграет.

Она не знала, что хуже — неизвестность или эта внезапная, уродливая ясность.

Сквик протянул к ней свою длинную, узловатую руку с когтями, которые в красноватом свете казались обсидиановыми.

— Вставай. Пора идти. Архонт ждать не любит.

И Анна, цепляясь за стену, заставляя непослушные мышцы работать, встала.

Часть 3. Третий глаз торговца

Сквик не торопился.

Он стоял в дверном проёме, загоразивая свет, и разглядывал Анну с той сосредоточенной бесцеремонностью, с какой оценщик в ломбарде разглядывает подержанное золото — прикидывая вес, пробу и возможную прибыль. Его жёлтые глаза-угольки бегали по её лицу, плечам, рукам, задерживаясь на деталях: синяк на скуле, запёкшаяся кровь на губе, дрожащие пальцы. Анна чувствовала себя бабочкой, приколотой булавкой к картону, — беззащитной, препарированной, лишённой права на тайну.

— Вставай, — повторил Сквик, и его раздвоенный язык мелькнул между зубами, пробуя воздух. — Архонт ждать не любит. А я не люблю, когда Архонт злится. Плохо для бизнеса.

Анна заставила себя подняться. Ноги всё ещё дрожали, но адреналин, хлынувший в кровь при появлении демона, сделал своё дело — мышцы обрели подобие упругости. Она выпрямилась, насколько позволял низкий потолок камеры, и впервые смогла рассмотреть похитителя при свете.

Свет был странным. Он шёл не от факела — Анна не видела открытого пламени. Источник находился где-то за спиной Сквика, в коридоре, и был рассеянным, пульсирующим, с багровым оттенком, который заставлял тени дрожать и корчиться, словно живые. В этом свете кожа демона отливала оливково-серым с зеленоватым подтоном, а текстура её напоминала кору старого дуба — бугристую, с глубокими трещинами на сгибах локтей и коленей, с более гладкими участками на плоских поверхностях.

Роста в нём было чуть больше метра с четвертью — Анне пришлось смотреть вниз, чтобы встретиться с ним взглядом, и это было странное ощущение: существо, которое годилось ей разве что по пояс, излучало такую уверенность и силу, что разница в росте не имела значения. Телосложение его было щуплым, почти детским, но жилистым — под складчатой кожей перекатывались сухие мышцы, похожие на свёрнутые в жгуты корабельные канаты.

Голова поражала своей непропорциональностью — слишком большая для такого тела, она сидела на короткой, почти отсутствующей шее, отчего Сквик напоминал гриб-переросток или заводную куклу, которую собрал безумный кукольник. Но самым жутким в этой голове были глаза.

Два основных — по бокам широкого, приплюснутого носа, чёрные и блестящие, как надкрылья майского жука. Вертикальные зрачки в них пульсировали, сужаясь и расширяясь в ритме, не синхронизированном с дыханием. Казалось, каждый глаз живёт своей жизнью. Но третий глаз — тот, что располагался на лбу, чуть выше переносицы, — заставил сердце Анны пропустить удар. Сейчас он был полуприкрыт тяжёлым, морщинистым веком, и видна была только узкая полоска золотистого свечения. Когда Сквик моргал основными глазами, третий оставался неподвижным. Когда он удивлялся — а Анна заметила, как век дёрнулось, когда она встала, не цепляясь за стену, — третий глаз приоткрывался шире, и тогда становилось видно, что у него нет зрачка. Вообще. Только ровное, мягкое свечение цвета расплавленного золота.

Рот был широким настолько, что, казалось, разрезает лицо от уха до уха. Губы отсутствовали — вместо них серая кожа стягивалась прямо к дёснам, обнажая частокол мелких острых зубов, растущих в два хаотичных ряда. Не ровной акульей челюстью, а именно хаотичных — одни зубы торчали вперёд, другие загибались назад, третьи вообще росли под углом, словно их втыкали в дёсны наугад. Когда Сквик закрывал рот, они не смыкались полностью — между верхним и нижним рядами оставались щели, и сквозь них со свистом выходил воздух. Язык — длинный, тёмно-синий, раздвоенный на конце — постоянно двигался, пробуя воздух, облизывая зубы, проверяя, все ли на месте.

Одежда на демоне была под стать его облику — функциональная до уродства. Кожаный фартук, протёртый до блеска на животе, покрывал грубую тунику из мешковины. Фартук был весь в карманах — больших и маленьких, пришитых кривыми стежками, — и из каждого что-то торчало или звякало. Сляканы с мутными жидкостями — одна зеленоватая, вторая янтарная, третья тёмная, почти чёрная, с осадком. Инструменты непонятного назначения: что-то вроде пинцета с зазубренными концами, металлическая трубочка, свёрнутая спиралью, связка костяных игл на грязной бечёвке. Амулеты, прицепленные к петлям: один — птичий череп с рубиновыми глазами, другой — спираль из неизвестного металла, третий — просто засохший палец с когтем. За спиной у Сквика висел заплечный мешок, сшитый из шкуры существа, которое Анна не смогла бы опознать, — пятнистая, с редкими пучками жёсткой шерсти, стянутая по краям сырмятными ремешками.

Ноги демона были устроены иначе, чем человеческие, — с «обратными» коленями, как у собаки или кошки, и заканчивались босыми ступнями с тремя длинными чёрными когтями. Руки, напротив, были длиннее человеческих пропорций и имели по четыре пальца — цепких, узловатых, с короткими когтями, покрытых ороговевшими мозолями на подушечках.

Сквик шагнул в сторону, освобождая проход, и Анна наконец увидела коридор за дверью. Узкий, вырубленный в скальной породе, освещённый тем же багровым светом, который сочился откуда-то сверху — словно по трещинам в породе струилась лава.

— Выходи, — скомандовал Сквик. — Или боишься? Правильно боишься. Умная. Но бойся молча. Терпеть не могу визг.

Анна сделала шаг к выходу, но демон внезапно выбросил вперёд руку, преграждая путь. — Стой. Сначала — смотри.

Он обошёл её кругом. Медленно, деловито, как покупатель на рынке обходит лошадь. Его когти цокали по камню, и звук этот отдавался в груди Анны глухой вибрацией. Она стояла неподвижно, сжав кулаки до боли в суставах, и позволяла разглядывать себя — потому что вариантов не было.

— Живая, — бормотал Сквик себе под нос. — Абсолютно живая. Это удивительно. После Перехода обычно — каша. Кости в труху, мозги в кисель, кровь через уши. Разрыв ломает всё. А ты целая. Интересно-интересно.

Он принялся. Его ноздри — две вертикальные щели на плоском носу — расширились, втягивая воздух. Раздвоенный язык высунулся и затрепетал, считывая запахи, которые Анна не могла даже вообразить.

— Пахнешь... по-другому. Человеком — да. Пот, страх, кровь. Но под этим... — он замер, и его третий глаз приоткрылся, выпуская в коридор узкий луч золотистого света. — Золото. Слабое, едва-едва. Но золото. Так не бывает. У людей не бывает золотой ауры. Золото — цвет Высших.

Он зашёл спереди и уставился на Анну всеми тремя глазами. Это было жуткое зрелище: два чёрных блестящих шара и один светящийся — неподвижный, немигающий, гипнотический.

— Ты связана с Высшим? — спросил он требовательно. — Контракт? Метка? Долг крови?

— Я не понимаю, о чём вы, — ответила Анна. Голос всё ещё дрожал, но она заставила себя выдержать этот тройной взгляд. — Я обычный человек. Художник. Из Москвы.

— Моск-ва, — повторил Сквик, пробуя слово на вкус. Язык щёлкнул. — Не знаю такого места. Верхний мир? Далеко. Давно не было переходов из Верхнего мира. Очень давно. И все — трупы. Кроме тебя.

Он снова замолчал, почёсывая когтем подбородок. Анна видела, как в его голове крутятся шестерёнки расчёта — буквально видела, потому что эмоции Сквика она чувствовала. Это было... иначе. Не как с людьми. Люди транслировали сложные, многогранные волны. Сквик транслировал что-то простое, как басовая нота: жадность, любопытство, опаска. Три чувства, никаких полутонов.

— Думай, Сквик, думай, — бормотал он, расхаживая туда-сюда по коридору. — Человечка — редкость. Очень большая редкость. Можно продать на органы. Человеческое сердце — деликатес. Анна сглотнула. Человеческая печень — афродизиак. Её затошнило. Глаза — для зелий. Она перестала дышать. В бордель можно продать — есть спрос на экзотику, хотя ты тощая, много не дадут. Можно стражам сдать — они в Собор отведут, Собор награду даст. Маленькую. Но гарантированную.

Анна слушала этот деловитый монолог, и её ужас смешивался с ощущением сюрреальности происходящего. Этот маленький демон с тремя глазами обсуждал продажу её органов с той же интонацией, с какой она сама обсуждала бы сдачу стеклотары: «Можно в этот автомат, дадут три рубля за бутылку, а можно оптом сдать, выйдет дешевле, но меньше возни».

— Но золото, — Сквик остановился и ткнул в неё когтистым пальцем. — Золото меняет всё. Если ты связана с Высшим — нельзя продавать. Высшие мстительны. Очень мстительны. Разорвут на лоскуты, душу скормят Гончим. Сквик не хочет к Гончим. Сквик хочет жить долго и умереть богатым.

Он придвинулся ближе. Анна почувствовала запах, исходящий от него, — не вонь, как она ожидала, а сухой, пряный аромат, похожий на запах старых книг и корицы, смешанный с металлическим привкусом озона.

— Ты помнишь контракт? — спросил он отдельно, словно говорил с ребёнком или слабоумной. — Контракт с Высшим. Обещание. Долг. Клятва. Что-нибудь.

— У меня нет никаких контрактов, — ответила Анна. — Я вообще не знаю, кто такие Высшие. Я художник. Я рисую иллюстрации к книгам. Вчера у меня был дедлайн, я вышла в парк, и...

— Дед-лайн, — повторил Сквик, и его язык издал скрежещущий звук, который, вероятно, был смехом. — Смешное слово. Дед-лайн. Как старая смерть. Нет, человечка, у тебя нет дед-лайна. У тебя есть аура с золотой искрой. Ты либо связана с Высшим и забыла об этом — что маловероятно, Высшие не забывают, — либо ты сама по себе интересная. Очень интересная.

Он помолчал, и его третий глаз закрылся полностью — теперь это была просто складка на лбу, похожая на старый шрам.

— Есть Господин, — сказал он медленно, словно пробуя идею на вкус. — Архонт Гнева. Кай. Очень сильный. Очень старый. Очень злой. Коллекционирует редкости. Ценит необычное. Если человечка с золотой аурой — необычное, Господин может заинтересоваться. Если Господин заинтересуется — Сквик получит награду. Большую. Очень большую. Больше, чем за органы.

— Если нет? — спросила Анна. Вопрос вырвался сам собой, и она тут же пожалела о нём.

Сквик пожал плечами — движение вышло странным из-за отсутствия нормальной шеи.

— Если нет — всегда можно продать позже. Органы не портятся, если носитель жив. — Он улыбнулся своей жуткой улыбкой. — Шучу. Почти. Ладно, человечка. Ты идёшь со Сквиком. Сквик отведёт тебя к Господину. Если повезёт — будешь жить в клетке, а не в кастрюле.

Анна заставила себя думать. Паника отступала — медленно, неохотно, но отступала, уступая место холодной, почти неестественной ясности. Этот демон был торговцем. Торговцами движет выгода. Если она сможет убедить его, что живая и целая она ценнее, чем мёртвая и разобранная на запчасти, — у неё появится шанс.

— Если я такая ценная, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, — ты должен сохранить меня в целости. Отведи к своему Господину. Но дай воды. И не связывай.

Сквик уставился на неё. Его основные глаза моргнули — не синхронно, а по очереди, создавая жутковатый эффект. Третий глаз приоткрылся снова, и золотистый свет упал Анне на лицо — она почувствовала его, тёплый, как луч солнца через увеличительное стекло.

— Торгуешься? — проскрипел демон. В его голосе звучало не возмущение, а удивление. — Смешная человечка. Маленькая, слабая, только что из каменного мешка, а уже торгуется.

Он засмеялся — и это был именно тот звук, которого Анна боялась с самого начала. Скрежет металла о металл, высокий и низкий одновременно, как будто ржавую дверь пытаются открыть, раскачивая её в петлях.

— Ладно, — сказал он, отсмеявшись. — Дам воды. Но без фокусов. Если дёрнешься — укушу. Зубы видела? Яд. Не смертельный, но очень, очень больно.

Он скинул с плеча мешок и начал копаться в нём — долго, придирчиво, вынимая и откладывая в сторону какие-то свёртки, флаконы, инструменты. Наконец извлёк флягу — металлическую, помятую, с пробкой из тёмного дерева. Протянул Анне.

Она взяла флягу обеими руками. Пальцы всё ещё дрожали, и несколько капель воды пролилось на подбородок. Вода была тёплой и отдавала металлом — вкус был таким, словно её набрали из старого котла, — но после сухости, которая мучила Анну последние часы, она казалась божественной. Она сделала три больших глотка и вернула флягу.

— Спасибо, — сказала она.

Сквик снова удивился. Его глаза моргнули, третий приоткрылся, и он склонил голову набок.

— «Спасибо», — повторил он, словно пробуя незнакомый фрукт. — Давно не слышал. Люди обычно кричат. Или молятся. Или пытаются убить. «Спасибо» — новое. Интересное.

Он спрятал флягу в мешок и закинул его за спину.

— Теперь слушай правила, — сказал он, и его голос стал деловым, лишённым интонаций. — Первое: идёшь за мной. Не отстаёшь. Не обгоняешь. Не сворачиваешь. В Нижнем городе легко потеряться. Если потеряешься — найдут другие. Другие — не Сквик. Другие съедят.

Анна кивнула, сглатывая ком в горле.

— Второе: не смотри в глаза теням. Здесь тени — не просто тени. Они смотрят в ответ. Если посмотришь — запомнят. Если запомнят — придут. Если придут — Сквик не поможет.

Анна снова кивнула. Смысл сказанного доходил до неё урывками, как сквозь толщу воды, но она запоминала каждое слово.

— Третье: не говори без спроса. Нижний город любит тишину. Громкие звуки привлекают... всякое. Шёпотом — можно. Криком — нельзя.

— Я поняла, — сказала Анна.

— Хорошо. Тогда — вперёд.

Сквик развернулся и двинулся по коридору. Его босые лапы с когтями ступали по камню почти бесшумно, и только лёгкое цоканье выдавало его шаги. Анна, напротив, шумела при каждом шаге: её ботинки на толстой подошве, идеальные для московской слякоти, здесь казались неуклюжими и громкими.

Коридор был низким, и ей приходилось пригибаться, чтобы не задеть макушкой каменный потолок. Стены были грубо вырублены в породе — тёмной, с красноватыми прожилками, которые в багровом свете казались кровеносными сосудами гигантского зверя. Воздух был

тёплым и влажным, как в бане, и с каждым вдохом в лёгкие попадал всё тот же запах — сера, сырая земля, мускус.

Они шли уже несколько минут, когда Анна рискнула заговорить:

— Сквик... можно вопрос?

Демон не обернулся, но хвост — она только сейчас заметила, что у него есть хвост, тонкий и голый, как у крысы, — дёрнулся из стороны в сторону.

— Задала. Уже. Но ладно, спрашивай. Тихо.

— Этот Архонт... Кай. Он убьёт меня?

Сквик фыркнул.

— Может. Может, нет. Кай непредсказуем. Сегодня — гнев, завтра — скука. Если заинтересуешься его — будешь жить. Если разозлишь — умрёшь быстро. Если наскучишь — умрёшь медленно.

— Это не очень обнадеживает.

— А что такое «обнадеживает»?

— Ну... даёт надежду.

Сквик издал тот же скрежещущий смех, что и раньше.

— Надежда. Странное человеческое слово. Здесь нет надежды. Есть сделки. Есть долги. Есть сила. Надежды нет.

Они вышли из коридора в более широкое пространство — нечто вроде естественной пещеры, свод которой терялся в темноте. Здесь багровый свет был ярче, и Анна увидела его источник: трещины в скальной породе, по которым струилась светящаяся жидкость, медленная и вязкая, как лава. Свет пульсировал — тускнел и разгорался снова, — и от этого казалось, что стены пещеры дышат.

— Не смотри в трещины, — бросил Сквик через плечо. — Там живут теневые черви. Вылезают, когда чувствуют взгляд. Очень быстрые. Очень голодные.

Анна поспешно отвела глаза и сосредоточилась на спине демона, маячившей впереди. Его кожаный фартук поскрипывал в такт шагам, а склянки позвякивали, создавая ритм — почти музыкальный, почти успокаивающий.

Они пересекли пещеру и вошли в новый коридор — более широкий и высокий, с неровными ступенями, ведущими вверх. Сквик взбирался по ним легко, как ящерица, а Анна спотыкалась на каждой ступени. Мышцы ног всё ещё не слушались до конца, и она дважды хваталась за стену, чтобы не упасть.

— Долго ещё? — спросила она, переводя дыхание.

— Долго — это сколько? — отозвался Сквик. — Час? День? Год? У вас, людей, странное время. Маленькое. Делите на кусочки. Здесь время большое. Течёт как смола. Привыкнешь. Или нет.

Он остановился на очередной ступени и обернулся. Его жёлтые глаза блеснули.

— Знаешь, что странно? Ты не кричишь. Не плачешь. Не пытаешься ударить. Все человечки, которых я видел, — а видел я троих, и все были мёртвые, но когда они падали, они кричали, — так вот, все кричат. А ты — нет. Торгуешься. Спрашиваешь. Скажи, почему.

Анна задумалась. Она не знала, как объяснить то, что происходило с ней, — эту холодную ясность, это странное спокойствие, которое снизошло на неё в камере и теперь держало на плаву. Может, это было шоком. Может — действие адреналина. А может — прав был Сквик, и с ней действительно что-то не так.

— Я не знаю, — ответила она честно. — Наверное, я ещё не до конца поверила, что это реально.

Сквик снова фыркнул:

— Поверишь. Обязательно поверишь. Когда увидишь Господина — поверишь сразу. У Кая очень... убедительная аура.

И он продолжил подъём, не дожидаясь ответа.

Анна двинулась следом, и чем дальше они шли, тем сильнее становилось чувство, которое она не могла описать. Не предчувствие. Не страх. Что-то другое. Словно она приближалась не к неведомой угрозе, а к чему-то, что ждало её всю жизнь. К чему-то, что было предопределено задолго до её рождения.

Золотые глаза из снов. Голос, зовущий по имени.

«Кай», — подумала она, и имя это отозвалось в груди глухим, низким эхом, как будто она всегда его знала.

Часть 4. Город, где тени смотрят в ответ

Лестница закончилась внезапно.

Анна ожидала увидеть ещё один коридор, ещё одну дверь, ещё одну каменную кишку, уводящую вглубь скалы. Но вместо этого каменные ступени оборвались на площадке, заваленной щебнем, а за ней обнаружился проём — неровный, рваный, словно его пробили в породе ударом исполинского кулака, — и в проём этот вливался воздух.

Другой воздух.

Анна остановилась, подставив лицо сквозняку, и закрыла глаза. После спёртой, пропитанной серой атмосферы подземелья этот ветер казался почти живым — он двигался, дышал, нёс на себе десятки новых запахов, которые врезались в обонятельные рецепторы, как иглы в подушечку для булавок. Сладковатый дым, похожий на сандал, но с примесью чего-то химического. Горячий металл — так пахнет сварка или кузнечный горн. Гниющая плоть и свежая кровь, смешанные в тошнотворный коктейль. И поверх всего — запах цветов. Лилии. Точно лилии, но с гнилостным оттенком, как будто букет простоял в вазе месяц и начал разлагаться.

— Стой, — скомандовал Сквик. Он поднял свою узловатую ладонь, призывая к тишине. — Перед выходом — запомни. Нижний город не любит гостей. Нижний город не любит слабых. Ты — гость, и ты — слабая. Держись меня. Не отходи. Не привлекай внимание. Если кто-то спросит — ты моя. Поняла?

— Твоя? — переспросила Анна.

— Моя собственность. Товар. Люди не ходят по Нижнему городу сами. Только как чья-то вещь. Если ты вещь — тебя не тронут. Если ты сама по себе — разорвут. Таков закон.

Анна сглотнула и кивнула. Собственность. Товар. Вещь. Каждое слово било наотмашь, но у неё не было сил на гордость. Гордость умерла где-то между третьей и четвёртой ступенью лестницы, когда мышцы ног начало сводить судорогой, а в глазах всё ещё стояла картина: оскаленная пасть Сквика и слова «Архонт ждать не любит».

— Хорошо, — сказала она. — Я твоя вещь. Я поняла.

Сквик удовлетворённо дёрнул хвостом и первым вышел в проём.

Анна последовала за ним — и замерла на пороге, пытаясь осмыслить то, что увидела.

Небо было неправильным.

Она не сразу поняла, что именно вызывает у неё это ощущение, — мозг отказывался обрабатывать визуальную информацию, потому что она противоречила всему, что мозг знал о небе. Вместо бесконечной синей глубины, вместо облаков, вместо солнца — над головой нависал купол. Гигантский, уходящий за горизонт, сотканный из плотной, рваной ткани багрово-чёрного цвета. Ткань эта двигалась — медленно, как поверхность океана, если смотреть на неё с глубины, — и по ней то и дело пробегали разряды. Алые молнии, беззвучные, как в немом кино, вспыхивали на секунду, выхватывая из темноты очертания чего-то огромного, многогранного, пульсирующего, — и гасли, оставляя после себя фиолетовые пятна на сетчатке.

В трёх — нет, четырёх — местах ткань была прорвана. Сквозь прорехи лился свет — не солнечный, не лунный, не электрический. Чистое, ослепительное золото, которое казалось

инородным здесь, в этом багровом полумраке, почти болезненным для глаз. Анна прищурилась, отводя взгляд, и почувствовала, как по щеке скатилась слеза — не от эмоций, от физической рези в глазах.

— Не смотри на Разрывы, — прошипел Сквик, дёргая её за край куртки. — Свет Верхнего мира жжёт сетчатку. Долго посмотришь — ослепнешь. Навсегда.

Анна послушно опустила глаза и увидела город.

Он раскинулся внизу, в огромной каменной чаше, окружённой скальными стенами, — лабиринт из чёрного камня и багровых огней. Здания громоздились друг на друга без всякой логики, словно их строили разные архитекторы, каждый из которых ненавидел предыдущего. Одни уходили вверх острыми шпильями, похожими на клыки. Другие расползались в стороны бесформенными наростами. Третьи вообще висели над улицами, прилепившись к скальным выступам, как ласточкины гнёзда, — и было непонятно, на чём они держатся: на контрфорсах из застывшей лавы или на чистом безумии.

Камень, из которого всё это было построено, был чёрным, но не однородно-чёрным. В нём мерцали вкрапления — красные, оранжевые, иногда синие, — словно в породу влили осколки витражей. Вены багрового света, похожие на те, что освещали подземелье, бежали по стенам домов, пульсируя в медленном ритме. Анна проследила взглядом за одной такой веной и увидела, что она уходит в землю, разветвляясь, как корневая система, — и где-то там, в глубине, бьётся сердце. Или несколько сердец. Или нечто, чему у неё не было названия.

Улицы были лабиринтом. Не фигурально — буквально. Узкие проходы между домами внезапно расширялись в площади, заваленные мусором, обломками, какими-то костями, — а потом снова сужались до щелей, где, наверное, и одному человеку пришлось бы протискиваться боком. Лестницы вели в направлениях, которые противоречили логике: одна поднималась на три метра вверх, но выводила на тот же уровень, с которого начиналась. Другая шла горизонтально вдоль стены, но идущий по ней поднимался на несколько метров над землёй. Геометрия здесь была сломана, искорёжена, перекручена в узел, и от попытки понять её у Анны начала кружиться голова.

Освещение было сюрреалистичным. Факелы с синим пламенем горели на стенах через неравные промежутки, но не давали теней. Анна заметила это не сразу — просто почувствовала: что-то не так. Она подняла руку, посмотрела на стену рядом с факелом. Никакой тени. Словно свет проходил сквозь неё. Или она сама была недостаточно реальна для этого света. От этой мысли холодок пробежал по позвоночнику, и она отдернула руку, спрятав её в карман куртки.

В других местах светились грибы — бледно-зелёные, растущие прямо из трещин в камне, похожие на раздутые трупы, и от них исходил удушливый запах, от которого першило в горле. А кое-где темнота была настолько густой, что казалась осязаемой, — маслянистая, плотная, она не рассеивалась от факелов, а просто стояла стеной, и Сквик обходил такие участки стороной, бормоча что-то про «теневого червей, которые разрослись».

Они начали спускаться — сначала по каменной лестнице, вырубленной в скале, потом по кривым улочкам, вымощенным плитами, которые ходили ходуном под ногами. Звуки города накатывали волнами: низкочастотный гул, пронизывающий всё, — Анна чувствовала его не столько ушами, сколько грудной клеткой, как басовую ноту на рок-концерте; далёкие крики — боли? ярости? экстаза? — искажённые расстоянием до неузнаваемости; скрежет когтей по камню, такой близкий, что она вздрагивала, но не видела источника; и шёпот. Множественный, неразборчивый, доносящийся из теней, которых не должно быть, но которые были. Шёпот словно комментировал её прохождение, обсуждал её, оценивал.

Она не разбирала слов, но ощущала интонации — голод, любопытство, предвкушение.

— Не слушай, — бросил Сквик, не оборачиваясь. — Шептуну питаются вниманием. Слушаешь — кормишь. Покормишь — вырастут. Вырастут — вылезут.

Анна заткнула уши, но это не помогло. Шёпот шёл не снаружи — он звучал в голове. Первая площадь, на которую они вышли, была рынком.

Несколько прилавков из грубого камня — просто обтёсанные глыбы, поставленные в круг, — были завалены товаром. То, что Анна сначала приняла за груды тряпья, при ближайшем рассмотрении оказалось одеждой из кожи неизвестных существ — тонкой, эластичной, с чешуёй, которая переливалась в багровом свете. Рядом стояли банки — стеклянные, мутные, залитые чем-то вроде формалина, и в них плавали органы. Сердца. Глаза. Что-то похожее на печень, но с щупальцами. Анна заставила себя отвести взгляд, но тут же наткнулась на следующий прилавок: амулеты из костей, ожерелья из зубов, какие-то светящиеся камни, разложенные на истлевшем бархате. И клетки. Кованые, тёмные, с мелкими прутьями, за которыми копошились живые твари — мохнатые, чешуйчатые, многоногие, издающие тонкий, жалобный писк.

Продавец за ближайшим прилавком заметил Анну. У него было четыре руки — тонких, суставчатых, с пальцами без ногтей, — и лицо без глаз. Вместо глаз — гладкая костяная пластина, как забрало шлема. Рот открывался прямо на шее — вертикальная щель с бахромой из мелких присосок, и когда он заговорил, присосок зашевелились.

— Человечек! — голос был булькающим, как будто он говорил под водой. — Свежий! Сколько хочешь? Продай! Дам хорошую цену!

Четыре руки одновременно выбросили вперёд товар — и Анна увидела, что он держит. Человеческие пальцы. Отрубленные, посиневшие, с обломанными ногтями, нанизанные на бечёвку, как бусы.

Желудок Анны подпрыгнул к горлу. Она отшатнулась, врезавшись спиной в Сквика, и почувствовала, как по пищеводу поднимается кислота — жгучая, неудержимая. Она согнулась пополам, и её вырвало — прямо на каменную мостовую, прямо под ноги четырёхрукому торговцу. Скучное содержимое желудка — вода, выпитая полчаса назад, с привкусом металла и желчи, — растеклось по плитам.

— Э! — возмутился продавец. — Товар портишь! Плати!

Сквик отдёргнул Анну за шкурку, как котёнка, и заслонил собой.

— Моя, — сказал он коротко. — Не продаётся. Извиняй, уважаемый. Переход, шок, сама не своя.

Четырёхрукий пожевал присосками рта, словно пробуя воздух на вкус.

— Сквик, — узнал он. — Давно тебя не было. Всё живой? Удивительно. Ладно, забирай свою человечку. Только убери блевотину.

Сквик пнул ногой кучку мусора, присыпав лужу, и потащил Анну дальше, вглубь рынка.

— Я же сказал, — шипел он, — не реагировать. Ты что, не поняла? Здесь это нормально. Здесь люди — мясо. Если будешь реагировать на каждый отрубленный палец, тебя вычислят за минуту. Хочешь жить — смотри, но не видь. Слушай, но не слышь. Поняла?

Анна вытерла рот рукавом куртки. Её всё ещё трясло, но рвотный позыв отступил, сменившись ледяной пустотой в животе.

— Поняла, — выдавила она.

— Вот и умница. Идём.

Они двинулись дальше, огибая прилавки, и Анна заставляла себя смотреть под ноги — только под ноги, на серые каменные плиты с красными прожилками, — но боковое зрение всё равно выхватывало фрагменты. Отрубленная голова какого-то рогатого существа, выставленная как трофей. Связка сушёных крыльев, похожих на стрекозиные, но размером с ладонь. Банка с глазами, которые двигались, следили за ней. Демон-покупатель с телом, состоящим из щупалец, торгующийся с продавцом из-за цены на какую-то склянку. Всё это было настолько чуждым, настолько невозможным, что мозг Анны начал отключать реакцию — просто захлопывать ставни, отгораживаясь от реальности, которая не укладывалась ни в одну картину мира.

А потом был переулочек.

Они свернули в него, чтобы срезать путь, — узкую щель между двумя зданиями, где багровый свет почти не светил, и тени были особенно густыми. И там Анна увидела драку.

Два демона катались по камням, сцепившись в клубок. Один был покрыт панцирем, как у насекомого, — хитиновые пластины на спине, блестящие и сегментированные, — и из-под панциря торчали четыре конечности, заканчивающиеся пилообразными когтями. Второй был аморфным — бесформенная масса, похожая на оживший гудрон, из которой то тут, то там выдвигались костяные наросты, острые, как битое стекло. Они дрались из-за куска мяса — истекающего чёрной кровью, дымящегося, — и их рычание было низким, утробным, вибрирующим в камне.

Анна замерла. Сквик дёрнул её за рукав:

— Не стой. Идём.

Но она не могла отвести взгляд. Драка заканчивалась — панцирный демон подмял аморфного под себя и вонзил пилообразные когти в его массу. Раздался звук — влажный, хлюпающий, с хрустом костей, — и аморфный демон развалился на части, брызнув ихором во все стороны. Чёрная кровь ударила в стены, залила камни, попала на ботинок Анны — горячая, обжигающая даже через толстую подошву, пахнущая уксусом и медью.

И тогда Анна почувствовала это.

Агония. Предсмертная мука демона ворвалась в неё, как нож в масло, — острая, всепоглощающая, чужая, но ставшая своей за долю секунды. Она ощутила, как его тело разрывается на части, как гаснет сознание, как тьма смыкается над ним, — и её собственное тело отозвалось болью. Рёбра пронзило, грудь сжало тисками, в глазах потемнело. Она пошатнулась и упала бы, если бы Сквик не подхватил её.

— Эй! Эй, человечка! — Его голос доносился как сквозь толщу воды. — Ты чего?!

Анна снова согнулась пополам — её рвало второй раз за десять минут, хотя в желудке уже ничего не было. Одна желчь, горькая и обжигающая. Она задыхалась, хватала ртом воздух, пропитанный запахом ихора, и пыталась отделить себя от того, что только что ощутила. Это было сложнее, чем с людьми. Человеческие эмоции она худо-бедно научилась фильтровать за двадцать четыре года практики. Но это — это было сырое, необузданное, нечеловеческое, и оно захлестнуло её целиком, не спрашивая разрешения.

— Что случилось? — Сквик тряс её за плечи. — Говори!

— Я почувствовала... — прохрипела Анна, вытирая рот. — Его смерть. Я почувствовала его смерть.

Сквик замер. Его глаза — все три — уставились на неё с выражением, которое она не смогла бы описать. Удивление? Ужас? Благоговейный трепет?

— Почувствовала? — переспросил он. — Как?

— Как свою. Боль. Агонию. А потом — пустоту. Как будто я сама умерла на секунду.

Сквик молчал. Его третий глаз открылся полностью, и золотистый свет залил лицо Анны — тёплый, ощупывающий, изучающий. Он словно пытался заглянуть внутрь неё, и Анна физически ощутила это прикосновение — как чужой палец, скользящий по изнанке черепа.

— Плохо, — сказал он наконец. — Очень плохо. Ты не просто человек. Ты — эмпат. Нет, хуже. Ты — Сосуд. Открытый канал. Ты впитываешь всё, что вокруг. Здесь, в Нижнем городе, всё — боль, ярость, голод, страх. Если не закрыться — сгоришь за час. Или сойдёшь с ума.

— Закрыться? — Анна посмотрела на него мутными, слезящимися глазами. — Как?

— Не знаю. Я торговец, не маг. Но Господин знает. Кай знает всё про эмпатию. Он сам — эмпат. Вернее, он — Архиэмпат. Чувствует всё, что чувствуют другие, и использует это. Мы должны идти. Быстро. Пока ты не подхватила ещё чью-нибудь смерть.

Он снова потащил её за собой, теперь почти бегом, и Анна, спотыкаясь, старалась не отставать. В голове шумело, перед глазами плыли багровые пятна, а где-то на периферии созна-

ния звучал шёпот — десятки голосов, бормочущих что-то неразборчивое, но настойчивое. Она не могла разобрать слов, но знала, что они обращены к ней. Они говорили о ней.

И ещё — она начала видеть ауры.

Сначала ей показалось, что у неё двоится в глазах — вокруг фигуры Сквика появился слабый, едва заметный ореол. Мутно-серый, с искрами оранжевого — цвета ржавчины и жадности. Она моргнула, ожидая, что ореол исчезнет, но он стал только ярче. Затем она посмотрела на демона-торговца, мимо которого они пробежали, — его аура была тёмно-красной, как запёкшаяся кровь, с чёрными прожилками. Тень в углу — она вообще не должна была быть живой, но от неё исходило холодно-синее свечение, слабое, но несомненное.

— Сквик, — прошептала Анна, — я вижу цвета. Вокруг всех.

Сквик споткнулся на бегу и обернулся. Его лицо, насколько вообще можно было говорить о выражении лица рептилоидного демона, исказилось от страха.

— Какие цвета?

— У тебя — серый с оранжевым. У того торговца — красный. У теней — синий. И ещё... — она прислушалась к шёпоту в голове, — ...я слышу, что они думают. Не слова. Обрывки. Тот торговец хочет обмануть покупателя. Тень голодна. А ты... ты боишься. Очень боишься. Не меня. Чего-то другого. Кая?

Сквик попятился. Его хвост задрожал, прижавшись к ногам.

— Ты не Сосуд, — прошептал он. — Сосуды только чувствуют. Ты — Проводник. Или Ходячий Разрыв. Ты не должна существовать. Люди не могут быть Проводниками. Это невозможно.

— Я не знаю, что это значит, — ответила Анна. — Я просто...

Она замолчала, потому что почувствовала это — нечто огромное, давящее, нависающее над всем Нижним городом. Аура, которая была больше, чем аура. Источник холода, который пронизывал весь сектор, как спица пронизывает вязание. Анна медленно подняла голову и посмотрела вдаль, поверх крыш, поверх шпилей, туда, где возвышалась Цитадель Собора.

Она была колоссальной. Здание из чёрного материала с серебряными прожилками, похожими на молнии, застывшие в камне. Шпили уходили в багровое небо, пронзая его, и там, наверху, терялись в складках рваной ткани купола. От Цитадели исходила аура — холодная, давящая, лишённая цвета, как вакуум. Она не пульсировала, не мерцала. Она просто была — и этого было достаточно, чтобы дыхание перехватывало, а сердце замедлялось.

— Не смотри, — прошипел Сквик, дёргая её за руку. — Собор. Не смотри долго. Притягивает внимание. А внимание Собора — последнее, что тебе нужно.

— Я не могу отвести взгляд, — прошептала Анна.

И это было правдой. Что-то в Цитадели притягивало её, требовало смотреть, подчиняло волю. Она чувствовала, как холод расплзается от груди к конечностям, как мысли становятся медленными, вязкими, как...

Сквик вцепился когтями в её плечо и с силой дёрнул, разворачивая спиной к Цитадели. Боль пронзила плечо, возвращая в реальность, и Анна вскрикнула.

— Извиняй, — буркнул демон, но в голосе его не было раскаяния. — Лучше боль, чем стать марионеткой Спикера. Идём. Быстро. Нам туда.

Он указал на противоположный конец площади, где над лабиринтом улиц возвышалась другая цитадель — массивная, приземистая, похожая на хищного зверя, припавшего к земле перед прыжком. В отличие от Цитадели Собора, она не подавляла. Она излучала что-то другое — жар, силу, ярость, сжатую до размеров камня. Её стены были цвета запёкшейся крови, а единственная башня, венчающая здание, заканчивалась не шпилем, а чем-то вроде раскрытой ладони с растопыренными пальцами.

— Цитадель Кая, — сказал Сквик, и в его голосе Анна услышала странную смесь страха и гордости. — Сердце сектора Гнева. Твой новый дом. Если повезёт.

Они двинулись через лабиринт улиц, и теперь Сквик почти бежал, не обращая внимания на прохожих. Демоны расступались перед ними — не из уважения, а из инстинктивного желания не связываться с существом, которое так спешит. Спешка в Нижнем городе означала либо большую удачу, либо большую опасность, и никто не хотел выяснять, что именно.

Анна старалась не отставать, но её внимание постоянно рассеивалось. Ауры мелькали перед глазами — красные, серые, чёрные, зелёные, — и каждая несла с собой обрывок эмоции. Гнев. Страх. Голод. Похоть. Отчаяние. Они наслаивались друг на друга, создавая какофонию, и Анна чувствовала, что её сознание начинает расслаиваться, как старая фанера под дождём.

— Сквик, — прохрипела она. — Я не могу...

— Можешь, — оборвал он. — Уже почти пришли. Видишь?

Они вышли на широкую улицу, которая вела прямо к цитадели. В конце её возвышалась стена — высокая, из того же чёрного камня с красными прожилками, — и в стене были ворота. Серебряные, покрытые гравировкой, изображающей какие-то сцены, которые Анна не могла разобрать на расстоянии. Перед воротами стояли две фигуры в полный рост — высокие, под два метра, в доспехах, которые выглядели как оживший металл. Пластины доспехов двигались, перетекали, подстраиваясь под движения стражей. Лица были скрыты шлемами без прорезей для глаз — только гладкий металл, на котором багровый свет играл бликами.

Сквик остановился перед ними и вытащил из складок фартука амулет — костяную пластинку с выгравированным символом: стилизованный кулак в кольце пламени. Стражи синхронно склонили головы, и ворота начали открываться — беззвучно, плавно, словно раздвигаемая вода.

— Дальше — сама, — сказал Сквик негромко. — Я провёл. Дальше — к Господину. Он ждёт.

— Ты не пойдёшь?

— Сквик — торговец. Не воин. Не слуга. Я сделал дело — привёл ценность. Теперь — ждать награды. Если Господин заинтересуется — награда будет. Если нет... — он пожал плечами, — ...не будет.

Анна посмотрела на открытые ворота, за которыми начинался коридор — длинный, освещённый тем же багровым светом, но более ровным, более спокойным. В глубине коридора что-то двигалось — или ей просто показалось?

Она сделала шаг. Ещё один. Переступила порог.

И ворота закрылись за её спиной, отрезая путь назад.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.